

пень смысловой напряженности слова. Для поэта понять мир означает «найти» слово, «подняться» до имени; как писал Хлебников, для поэта «все лишь ступог¹⁷ к имени, даже ночная вселенная» (СП, IV, 16). Но единство и полнота мира, понятого и выраженного в слове, и есть миф. Общаясь посредством слова, человек вступает в круг единого языкового сознания, в круг *в з а и м о п о н и м а н и я*. Называя «собственные имена русской литературы», призывая имена «богов слова», поэт вступает в круг всеобщего мифопоэтического взаимопонимания человека, культуры и природы. В мифопоэтическом слове, в магически-поэтическом «заклятии именем» и заключается акт такого взаимопонимания¹⁸.

До сих пор речь шла лишь о трех строках четверостишия, устанавливающих сетку соответствий мира природы и мира слова. Теперь следует поставить вопрос об объединяющем принципе, на котором основаны эти соответствия. В чем принцип гармонии, или «согласие разногласного»? Как нужно понимать заключительную строку?

Замерное безмерным полня.

В ее истолковании мы можем опереться на заключительные строки другого стихотворения Хлебникова, также построенного на соответствиях, но в более откровенном, даже демонстративном виде:

Боги, когда они любят,
Закрывающие в меру трепет вселенной,
Как Пушкин жар любви горничной Волконского.

(СП, II, 45)

Итак: мера, ритм, число, уравнивающее творческую силу бога и поэта, Вселенную и Наташу, горничную старухи Волконской. Мера управляет космосом и «волхвует словом», потому-то и возможно сопоставление космических явлений и искусства, мира действительного и мира воображаемого. Мера и есть принцип гармонии, «лад мира», его «ось», «одним концом волнующая небо, а другим скрывающаяся в ударах сердца» (СП, V, 243)¹⁹.

Замерное и *безмерное*, очевидно, предполагают наличие *мерного*. В таком случае земной мир (*Достоевский*) — мерный; солнечный мир (*Пушкин*) — замерный, т. е. обладающий д р у г о й мерой²⁰; звездный мир (*Тютчев*) — безмерный. Это характеристики предельно обобщенные. Следо-

¹⁷ «ступог» — неологизм, образованный из «ступать» + «порог».

¹⁸ Комментарием к «О, достоевскиймо...» может служить одно место в книге Хлебникова «Битвы 1915—1917 гг.», где, говоря о том, что Тютчеву «присуща высокая вера в высокие судьбы России», Хлебников сближает его с В. Ф. Одоевским: «Конечно, Тютчев и Одоевский должны были родиться в одном году. На это указывает особая, более не встречающаяся т а й н а и м е н. В этом уходе на остров веры спутником Тютчева был и Одоевский. Имена Тютчева и Одоевского, может быть с а м о е л у ч ш е е, ч т о о н и о с т а в и л и. Странно, что «Белая ночь» звучало бы настолько плохо, насколько хорошо «Белые ночи». Белыми ночами как зовом к северному небу скрыто предсказание на рождение через 28 <лет> Бредихина, первого русского, изучавшего хвостатые звезды, и брошено указание на родство 2-го знания с звездным» (Хлебников в В. Битвы 1915—1917 гг. Новое учение о войне. Пг., 1915, с. 19. Везде разрядка моя. — Р. Д.). Здесь нужно обратить внимание на несколько моментов: во-первых, мысль о роли и м е н и («тайна» имен Тютчева и Одоевского, по-видимому, заключается в том, что ввиду неясности этимологии они не вызывают предметных ассоциаций. Ср. имя Пушкина, которое Хлебников неоднократно обгрызал. Например: «Из Пушкина трупов кумирных пушек наделаем сна»), во-вторых, любопытная контаминация В. Ф. Одоевского, автора «Русских ночей», и Ф. М. Достоевского, автора «Белых ночей»; в-третьих, сопоставление поэтов и ученого (Ф. А. Бредихин — крупнейший русский астроном XIX в., изучавший кометы), перекликающееся с хлебниковским сравнением стихотворения и кометы, и, наконец, в-четвертых, указание на «родство 2-го (т. е. поэтического) знания с звездным», которое Хлебников позже подробно развивает в статье «Наша основа».

¹⁹ Ср. Блок: «Наука и мечта подают друг другу руки, оправдывая и воскрешая первобытную силу земли — р и т м, обручающий друг с другом планеты и души земных существ» (Собр. соч., т. V, с. 95).

²⁰ Ср. разъяснение понятия «заумный» в статье Хлебникова «Наша основа» (СП, V, 235).